

/Погодин/

63.1

Б261 БАРСУКОВ Н.

Жизнь и труды М.П. Погодина

Книга третья

СПб: 1890

Б4

Включе
Сам
№ 80
г. 11
ВЫДАЧА ПЕЧАТОВА
№ 11
СЛ. Б. НЕВОДНОМ

1959

1895 г.

Оригинальный залог (в) всемирной

БЧ

462513

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

Р. Н.

№ 61434

НК

316

10 АПР 1903

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

8081

Дни минушіе и рѣчи,
Ужъ замоленія давно...

Князь Вяземскій.

Бывое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1890 а

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1890.

АННОТОП П.М.

63.1

9147 (Погодин)

Б261

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

Рос. ЛОИ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолкшіа давно...

Князь Вяземскій.

Былое въ сердцахъ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

16762

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕРКОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

200000 Лесная, 9

462513

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1890.

1948

Проверено 1930 Г.

90

ЛЦБ 1934 г. Проверено

(информация)

69

Июл 1939

2000

Июл 1939

1674

1888

1674

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
ГЛАВА I (1830). Прибытіе въ Москву Императора Николая I. Впечатлѣніе, произведенное на Погодина этимъ событіемъ. Ободрительное вниманіе Государя къ Русской Литературѣ. <i>Юрій Милославскій</i> , Загоскина. Арестъ цензора С. Н. Глинки. Погодинъ посѣщаетъ узника. Пребываніе Государя въ Москвѣ. Московскій университетъ. Упраздненіе университетскаго Пансіона. Назначеніе князя С. М. Голицына попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Графъ А. Н. Панинъ. Отношеніе къ нему Погодина.	1 — 9
ГЛАВА II. Приѣздъ въ Москву Пушкина. Возникновеніе <i>Литературной Газеты</i> . Мнѣніе Погодина объ этомъ изданіи. Отзывъ барона Дельвига о <i>Московскомъ Вѣстникѣ</i> . Полемика Погодина съ <i>Литературною Газетою</i>	9 — 14
ГЛАВА III. Выходъ въ свѣтъ <i>Бориса Годунова</i> Пушкина. <i>Самозванецъ</i> , Булгарина. Критическая статья о послѣднемъ произведеніи въ <i>Литературной Газетѣ</i> . Пасквиль Булгарина на Пушкина. Отвѣтъ Пушкина. Пасквиль на Пушкина же въ <i>Московскомъ Телеграфѣ</i> , за который пострадалъ цензоръ С. Н. Глинка.	14 — 23
ГЛАВА IV. Пушкинъ издаетъ VII-ю главу <i>Евгенія Онегина</i> . Отзывы о ней Булгарина, Надеждина и Полеваго. Щекотливость Надеждина къ собственнымъ произведеніямъ. Негодованіе Погодина на выходки противъ Пушкина	23 — 28
ГЛАВА V. Погодинъ пишетъ трагедію <i>Маред посадница</i> . Бесѣды Погодина съ Пушкинымъ. Читаетъ ему свою <i>Марю</i> . Восторгъ Пушкина отъ этого произведенія Погодина. Страданіе Пушкина отъ безденежья. Погодинъ его выручаетъ. Помолвка Пушкина. Кончина В. Л. Пушкина. Погодинъ посѣщаетъ больного Ватюшкова. Сближеніе Погодина съ Гуляновымъ	28 — 39

ГЛАВА VI. *Исторія Русскаго Народа*, Полеваго. Критика на нее Погодина и Надеждина. Отзывъ Пушкина объ этихъ критикахъ. Письмо Арцыбашева къ Погодину. Отзывъ Булгарина объ *Исторіи* Полеваго

Стр. 39 —

ГЛАВА VII. Отношеніе Погодина къ Булгарину. Максимовичъ издаетъ *Денницу*. Обзоръніе Русской Словесности И. В. Кирѣвскаго. Разрывъ Максимовича съ Полевыми. Письмо Погодина къ Шевыреву

40 —

ГЛАВА VIII. Отъѣздъ И. В. Кирѣвскаго въ чужіе края. Переписка его съ Погодинымъ. Благочестивое путешествіе Погодина къ Троицѣ

57 —

ГЛАВА IX. Переселеніе А. В. Веневитинова изъ Москвы въ Петербургъ. Знакомство Погодина съ графомъ Е. Е. Комаровскимъ. Память о Д. В. Веневитиновѣ. Сближеніе Погодина съ П. П. Бекетовымъ. Возвращеніе Хомякова въ Москву. Сношенія съ нимъ Погодина. Письмо Хомякова къ А. В. Веневитинову. Сближеніе Погодина съ Языковымъ. Отношеніе Погодина къ Баратынскому. Письмо Шевырева къ А. В. Веневитинову. Рожалинъ о Шевыревѣ

65 —

ГЛАВА X. Мечты Погодина о продолженіи *Московского Вѣстника*. Несбывшіяся надежды его на Надеждина. Соисканіе Надеждина степени доктора въ Московскомъ Университетѣ. Замышленіе Погодина издавать *Фонарь* съ прибавленіями. Послѣдній годъ существованія *Московского Вѣстника*. Статья С. Т. Аксакова—Рекомендація министра. Взглядъ на кабинеты журналовъ и политическія ихъ отношенія между собою. Участіе Грицько-Основьяненко. Вниманіе къ *Московскому Вѣстнику* И. А. Крылова, Графа Д. И. Хвостова. Авр. С. Норовъ. А. А. Краевскій. Хозяйственныя дѣла *Московского Вѣстника*. Вѣщанія сношенія Погодина, какъ редактора *Московского Вѣстника*.

77 —

ГЛАВА XI. Мечтательность Погодина. Письма его къ Шевыреву. Ю. Н. Бартеневъ. Несостоявшееся путешествіе Погодина въ чужіе края. Июльская революція въ Парижѣ. Замышленія Погодина по поводу этого событія. Погодинъ покупаетъ домъ у князя П. И. Тюфякина.

96 — 10

ГЛАВА XII. Трубецкіе. Кончина Н. П. Новосильцовой. Аксаковы. К. С. Аксаковъ

102 —

ГЛАВА XIII. Отношенія Погодина къ Венелину. Погодинъ является горячимъ защитникомъ трудовъ его. Письмо Арцыбашева. Критика Каченовскаго, противъ которой печатно возстаетъ Погодинъ.

108 — 11

ГЛАВА XIV—XIX. Путешествіе Венелина по Волгаріи, Молдавіи и Валахіи, въ устроеніи котораго Погодинъ принималъ живое участіе. Путевыя письма Венелина къ Погодину.

113 — 15

ГЛАВА XX. Семидесятипятилѣтній юбилей Московскаго Университета. Рѣчь Погодина. Успѣхъ ея. Лебединая пѣнь Мерзлякова. Латинская рѣчь Снигирева и возбужденная ея лекція съ Кубаревымъ.	157 — 166
ГЛАВА XXI. Кончина Мерзлякова. Погребеніе его. Уча- стіе Погодина. Слово Каченовскаго въ память Мерзлякова. Погодинъ уговариваетъ Шевырева замѣнить осиротѣлую ка- ндидатуру Мерзлякова	166 — 176
ГЛАВА XXII. Предположеніе княгини З. А. Волконской учредить Эстетическій Музей при Московскомъ Университетѣ. Участвіе въ этомъ дѣлѣ Погодина.	176 — 182
ГЛАВА XXIII. Пріѣздъ въ Москву пѣвицы Зонтагъ. Впе- чатлѣніе, произведенное ея пѣніемъ на Погодина. Погодинскій пансіонъ. И. О. Золотаревъ. Сношеніе Погодина съ Дерпт- скими профессорами. Кончина Эверса. Н. Г. Устряловъ.	182 — 188
ГЛАВА XXIV. Литературные и ученые труды Погодина. Губернскія бібліотеки, учрежденныя А. А. Закревскимъ. Вкладъ въ нихъ Погодина. Альманахи	188 — 196
ГЛАВА XXV. Холера. Центральная Коммиссія для прекра- щенія оной. А. А. Закревскій. Участвіе Московскаго Универси- тета: Мудровъ, Дядьковскій. Мужество Погодина. Слово Фила- рета. Доносъ на Митрополита. Поэтъ Шатровъ воспѣваетъ под- виги Филарета. Погодинъ дѣлается редакторомъ Вѣдомостей о состояніи города Москвы во время холеры	196 — 203
ГЛАВА XXVI. Дѣятельность Князя Д. В. Голицына во время холеры. Рескриптъ и пріѣздъ Императора Николая I въ Москву. Слово Филарета.	208—214
ГЛАВА XXVII. Слово Филарета. Усиленіе благотворитель- ности. Письмо графа Д. Н. Шереметева князю Д. В. Голицыну. Замѣчаніе на оное Погодина. Слово Филарета въ церкви Страннопріимнаго въ Москвѣ дома графа Шереметева	214 — 219
ГЛАВА XXVIII. Погодинъ ободряетъ своихъ друзей, упав- шихъ духомъ. Возвращеніе братьевъ Кирѣевскихъ въ Москву. Пріѣздъ сюда А. В. Веневитинова. Ослабленіе холеры. Пуш- кинъ. Отзывъ его о Марѣ Погодина. Возвращеніе Пушкина въ Москву. Бесѣды его съ Погодинымъ. Посѣщаетъ Князя Д. А. Вяземскаго въ Остафевѣ и читаетъ тамъ: <i>Моя Родо- словная</i> . Письмо Князя Д. В. Голицына къ Погодину.	219 — 229
ГЛАВА XXIX. Конецъ <i>Литературной Газеты</i> . Отноше- ніе къ ней Погодина. Письмо барона Дельвига къ Пушкину	229 — 236
ГЛАВА XXX. Прекращеніе изданій <i>Вѣстника Европы</i> , <i>Галатеи</i> и <i>Атеней</i> . Прощальное слово Каченовскаго. Прекра- щеніе <i>Московского Вѣстника</i> . Прощальное слово Погодина. От- зывъ Вѣлинскаго о <i>Московскомъ Вѣстникѣ</i>	237 — 243

ГЛАВА XXXI (1831). *Борисъ Годуновъ*, Пушкина. Письмо Пушкина Погодину. *Марва*, Погодина. Бесѣды Пушкина съ Погодинымъ 243 — 247

ГЛАВА XXXII. Кончина барона Дельвига. Свадьба Пушкина. Погодинъ пишетъ трагедію *Петръ I* и читаетъ написанное Пушкину 247 — 254

ГЛАВА XXXIII. Погодинъ покупаетъ деревню 254 — 258

ГЛАВА XXXIV. *Телескопъ* и *Молва*, Надеждина. Ироническое воспоминаніе Надеждина о прекратившихся журналахъ: *Вѣстникъ Европы*, *Московскомъ Вѣстникѣ*, *Атеней*, *Галатей* 258 — 264

ГЛАВА XXXV. Участіе Погодина въ *Телескопѣ* и *Молвѣ*. Отношеніе Погодина къ Надеждину. Погодинъ привлекаетъ Шевырева къ участию въ *Телескопѣ*. Переписка по этому поводу. Пародія въ *Телескопѣ* на П. И. Вяземкина. Письмо по поводу ея Квитки къ Погодину 264 — 271

ГЛАВА XXXVI. Польское возстаніе. Погодинъ пишетъ историческое размышленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи, которое обращаетъ на себя благосклонное вниманіе Государя. Разборъ Погодина Исторіи Государства Польскаго Бантке. Замѣчаніе Пушкина объ этихъ статьяхъ. Тревожные слухи. Переѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Царское Село. Стремленіе Пушкина выступить на поприще публициста. Препоны. Дозволеніе Пушкину заниматься въ архивахъ. Веневитиновъ извѣщаетъ объ этомъ Погодина. Замѣчаніе князи П. А. Вяземскаго о Пушкинѣ, какъ историкѣ. 271 — 277

ГЛАВА XXXVII. Труды Погодина, напечатанныя въ *Телескопѣ*. Письмо Квитки къ Погодину по поводу III-го тома *Исторіи Русскаго Народа*. Выставка Русскихъ издѣлій въ Москвѣ. Статья о ней Погодина, которая возбудила полемику съ Полевымъ 277 — 284

ГЛАВА XXXVIII. Погодинъ издаетъ *Центушное состояніе Всероссийскаго Государства* при Петрѣ Великомъ, соч. Кирилова. Полемика по поводу этого изданія съ Полевымъ. Отзывъ Академіи Наукъ объ этомъ изданіи Погодина. Объясненіе Погодина 284 — 294

ГЛАВА XXXIX. Отношенія Погодина къ профессорамъ и студентамъ. А. А. Краевскій 294 — 302

ГЛАВА XL. Вступленіе Надеждина на кафедру. Протестъ Ивашковского. Отзывъ Погодина о лекціи Надеждина. Методъ преподаванія Надеждина. Отзывы о немъ слушателей. Желаніе Погодина видѣть Шевырева преемникомъ Мерзлякова. Разсужденіе Шевырева объ Октавахъ. Д. П. Голохвостовъ. Отношеніе къ нему Погодина. Мысль Погодина оставить Университетъ. Письмо къ нему Пушкина 302 — 308

ГЛАВА ХLI. Погодинъ уѣзжаетъ въ свое Сѣрково. Жизнь его въ деревнѣ. Кончаетъ трагедію *Петръ Великій*. Замышляетъ написать романъ *Мировичъ*. Занятіе Погодина Всеобщей Исторіею. Переписка съ О. С. Аксаковой. Трубецкіе и Всеволожскіе. Замѣчаніе О. С. Аксаковой о трагедіи Погодина *Петръ Великій*. Поѣздка Погодина въ Знаменское, къ Трубецкимъ. Письмо къ Погодину А. В. Веневитинова 308 — 321

ГЛАВА ХLII. Неустройство хозяйственныхъ дѣлъ Погодина. Холера въ Петербургѣ. Холерное возмущеніе на Сѣнной площади. Гюльская кровавая трагедія на берегахъ Волхова. Замѣчаніе Пушкина. Письмо князя В. О. Одоевскаго князю Г. П. Волконскому. Отраженіе Польскаго мятежа въ Московскомъ Университетѣ. Кончина М. Я. Мудрова и Тверскаго архіепископа Амвросія. Взятіе Варшавы. Графъ Д. Н. Хвостовъ 321 — 333

ГЛАВА ХLIII—ХLIV. Поѣздка Погодина въ Петербургъ и пребываніе въ немъ 333 — 358

ГЛАВА ХLV. Возвращеніе въ Москву. Письмо къ Погодину Бенкендорфа. *Марша*. Участъ трагедіи Погодина *Петръ I*. Гурьевъ. Отзывъ Квитки о *Петрѣ*, Погодина. Портретъ Болтина. Возвращеніе въ Москву П. М. Строева и Ю. И. Венедина. Знакомство Погодина съ И. П. Сахаровымъ. Пріѣздъ Пушкина въ Москву. Предиріятіе И. В. Кирѣвскаго издавать *Европейца*. Мнѣніе объ этомъ предиріятіи Погодина: Хомяковъ. Трубецкіе 358 — 375

I.

Въ ночь на 7 марта 1830 года, прибылъ въ Москву императоръ Николай I, такъ неожиданно, что не былъ „даже узнавъ дворцовою стражею“ ¹⁾. Его сопровождалъ принцъ Альбертъ Прусскій. „Пріѣхалъ Царь!“, восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникъ*: „вотъ тебѣ раз! Никто не зналъ, и это въ черни произвело эффектъ большой, благопріятный“. Въ это время Погодинъ писалъ свою *Марю*, и однажды утромъ къ нему явились Кубаревъ, Краевскій и Артемовъ и помѣшали ему въ его творческой работѣ, и Погодинъ, „чтобы отвязаться отъ нихъ, отправился въ городъ „смотрѣть Царя“. Видѣнное тамъ произвело на него сильное впечатлѣніе. „Волны народа“, читаемъ въ его *Дневникъ*, „производятъ впечатлѣніе, нужное для *Мары*. Увлеченный толпою, на-встрѣчу къ Государю. Чувствовалъ восторгъ“. „Какъ народъ восхищается“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „нечаяннымъ пріѣздомъ Государя. Я всякій день хожу въ Кремль и люблюсь“ ²⁾.

Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву, Государь, въ лицѣ Загоскина, заявилъ ободрительное вниманіе къ Русской Литературѣ. Еще въ концѣ 1829 года, вышелъ въ свѣтъ романъ его *Юрій Милославскій*, и по свидѣтельству современниковъ его читали вездѣ, и „въ гостинныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при Высочайшемъ Дворѣ“ ³⁾. Восхищенный *Юріемъ Милославскимъ*, Государь, по пріѣздѣ въ Москву, пожелалъ видѣть Автора и пригласилъ

его къ себѣ во Дворецъ. Объ этомъ счастливомъ событіи, С. Т. Аксаковъ извѣстилъ Погодинъ письмомъ, которое оканчивается такими словами: „Каково, душа моя! Славно“ ⁴⁾. Получивъ это извѣстіе, Погодинъ тотчасъ же поѣхалъ къ Аксаковымъ. Ольга Семеновна его встрѣчаетъ словами: *Когда мы встрѣтимъ васъ такою новостію?* ⁵⁾ Само собою разумѣется, что изданіе *Юрія Милославскаго* быстро разошлось. „Даже наши *корифеи*“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „восхищаются имъ“ ⁶⁾. Дѣйствительно, наши *корифеи*, неравнодушные къ славѣ Русской литературы, выразили полное сочувствіе къ Загоскину, и одинъ изъ этихъ *корифеевъ*, а именно Пушкинъ, вотъ что писалъ къ автору *Юрія Милославскаго*: „Поздравляю васъ съ успѣхомъ, вполне заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковский провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи“ ⁷⁾. Однимъ словомъ всѣ восхищались *Юріемъ Милославскимъ*; но досадовалъ и сердился на него Булгаринъ, отпечатавшій тогда послѣдніе листы своего *Димитрія Самозванца*; а отчасти и Погодинъ, писавшій тогда свою трагедію *Марѳа Посадница*, въ чемъ послѣдній и самъ простосердечно сознавался. Когда онъ узналъ отъ Аксакова о вниманіи Государя къ Загоскину, то отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Тайное чувство зависти, хотя и на минуту. Вотъ счастье и удача. Я могъ бы лучше написать, да не написалъ и сию. Скорѣе *Марѳу*“ ⁸⁾; а въ письмѣ къ Шевыреву Погодинъ такъ отзывался объ этомъ произведеніи Загоскина: „Это рядъ сценъ, изъ которыхъ нѣтъ очень хороши, и только. Много изобрѣтенія, но мало искусства. Ничего полнаго, отдѣланнаго, совершеннаго“ ⁹⁾. Булгаринъ же въ этомъ отношеніи былъ откровеннѣе: По его просьбѣ А. Н. Очкинъ въ *Сѣверной Пчелѣ* напечаталъ ругательную статью противъ Загоскина, за котораго вступился Воейковъ и „нещадно“ обругалъ Булгарина, и всѣхъ его сотрудниковъ. Императоръ Николай, которому, какъ мы уже знаемъ, понравился *Юрій Милославскій*, повелѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобы они прекратили бой.

Несмотря на это, Булгаринъ напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* отвѣдъ Воейкову. Вслѣдствіе сего Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ, по Высочайшему повелѣнію, посажены на гауптвахту. „Въ городѣ очень многіе“, писалъ Никитенко, „радуются тому, что Воейкова, Булгарина и Греча посадили на гауптвахту. Ихъ беззащитный эгоизмъ всѣмъ надоелъ. Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава“ ¹⁰). Когда объ этомъ происшествіи узнали въ Москвѣ, то Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вотъ это нехорошо. Униженіе литературы, какъ бы не посадили насъ съ Каченовскимъ и Полевымъ“.

Но въ Москвѣ, ни Погодина, ни Полеваго, ни Каченовскаго на гауптвахту не посадили, а засадили туда несчастнаго Сергѣя Николаевича Глинку. „У насъ“, писалъ Погодинъ къ Шевыреву, „посадили на гауптвахту Глинку за стихи въ Максимовичевой *Денницѣ* и за одну статью *Рекомендація министра въ Московскомъ Вѣстникѣ*. У меня по Высочайшему повелѣнію спрашивали о сочинителѣ. Сейчасъ отправлюсь посѣщать моего цензора. По свидѣтельству М. А. Дмитріева, „какъ узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, у колокольни Ивана Великаго, бросились навѣщать его. Дядя мой И. И. Дмитріевъ, бывший нѣкогда министромъ юстиціи, одинъ изъ первыхъ навѣстилъ его. Не всякій бывший министръ на это бы рѣшился“. О своемъ посѣщеніи Глинки, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 10 февраля 1830 года слѣдующее: „Къ Глинкѣ. *Я вчера собирался, но мнѣ было совѣстно, ибо былъ поводомъ къ вашей непріятности. Онъ привелъ меня въ умиленіе. Жена, дочь, малютки. Старикъ сидитъ въ изодранной шинели на кровати и читаетъ изъ Екклезіаста*“. Погодинъ былъ такъ тронутъ этимъ посѣщеніемъ заключеннаго, что, придя въ Нѣмецкій театръ, сознавался: „мнѣ совѣстно сидѣть здѣсь, между тѣмъ, какъ Глинка на гауптвахтѣ“. На другой день Погодинъ получаетъ отъ узника слѣдующее письмо: „Не укоряйте себя ни въ чемъ и будьте спокойны.

Уступать занятій моихъ я не въ правѣ никому. Мало ли что бываетъ на свѣтѣ? Но первый нашъ долгъ исполнять подвигъ, возложенный на насъ. Я не судья, а исполнитель Устава: слѣдственно мнѣ не нужно быть строгимъ; я долженъ только сообразоваться съ духомъ параграфовъ. Сбросьте камень съ своего сердца. Я не только не виню васъ, но еще болѣе полюбилъ васъ за ваше ко мнѣ участіе. Вотъ мое сердечное слово“. Князь П. А. Вяземскій былъ возмущенъ этимъ арестомъ, находя, что это „дѣйствіе произвола“. И дѣйствительно, статья *Рекомендація Министра*, напечатанная въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, принадлежала перу С. Т. Аксакова, который въ то время былъ самъ цензоромъ. Что же касается до стихотворенія Серафимы Тепловой, напечатаннаго въ *Денникѣ* Максимовича, подъ заглавіемъ *Къ ****.

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стоитъ скорби слышала волна!

О вѣрь, что надъ тобой почло
Прощенье, миръ, а не укоръ,—
Что не страшна твоя могила,
И не постыденъ твой позоръ,

то стихи эти, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, были написаны на смерть утонувшаго юноши, и неизвѣстно почему, приняли подозрѣніе, что въ этой элегій оплакивается кто нибудь изъ тѣхъ, которые содержались въ казематахъ по дѣлу 14 декабря 1825 г. Когда все это объяснилось, Глинка былъ освобожденъ и какъ невинно пострадавшій получилъ три тысячи отъ щедротъ монаршихъ. „Ну слава Богу“, восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 13 марта 1830 года, „съ радостію къ Аксакову, а онъ принялъ это извѣстіе сухо“.

Между тѣмъ въ кругу друзей Погодина рассказывали „о прекрасныхъ“ дѣйствіяхъ Государя. „Надеждинъ, Томашевскій толковали о Государѣ и его прекрасныхъ выходахъ: Мнѣ пріятно сказать вамъ, господа, что мой Сынъ учится

хорошо. О Русской выставкѣ—чудеса! какія способности у этихъ бородачей! что изъ насъ будетъ“ ¹¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству Пушкина, въ письмѣ князю П. А. Вяземскому: „Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контрареволюціи Петра. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую *прозу*“.

Пребываніе Государя въ Москвѣ было ознаменовано многими милостями и щедротами, о чемъ съ завистью сообщаетъ Снегиревъ Анастасевичу: „Сергѣю Глинеѣ“, писалъ онъ, „Государь пожаловалъ три тысячи, да пенсіи годовой по двѣ тысячи. Полевому и Загоскину по перстню, Калайдовичу, яко страстотерпцу, тысячу пенсіи. А кто смиренъ и не громогласенъ, тотъ подожди у моря. Погодинъ хлопочетъ, какъ бы попасть подъ первыя четыре статьи“ ¹²⁾.

Но не радостенъ былъ этотъ пріѣздъ Государя въ Москву для Московскаго Унверситета.

12 Марта 1830 года, Государь посѣтилъ Университетскій Благородный Пансіонъ. Вотъ что Погодинъ свидѣтельствуетъ объ этомъ посѣщеніи: „Царь въ Пансіонѣ былъ ужасно сердитъ за неисправность. Пускай бы за ученье. Это такъ и я самъ порадовался бы, а за неисправность несправедливо; даже больно, ибо они исправны. и при такомъ невинномъ страданіи, по-неволѣ чувствуешь расположеніе даже къ дурному человѣку, и я пожалѣлъ о Павловѣ. *Университетъ назвалъ Онъ хаосомъ*“.

Послѣдствіемъ этого Высочайшаго посѣщенія Университетскаго Пансіона былъ указъ *Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго* изъ Правительствующаго Сената, 29 марта 1830 года, прекратившій бытіе этого заведенія. Въ указѣ изображено: „Желая систему народнаго просвѣщенія въ государствѣ нашемъ поставить на твердыхъ и единообразныхъ правилахъ, находя, что существованіе благородныхъ пансіоновъ при С.-Петербургскомъ и Москов-

скомъ Университетахъ, въ нынѣшнемъ ихъ составѣ и съ дарованными имъ въ 1818 году правами и преимуществами, несомнѣнно съ новымъ порядкомъ вещей и причиняетъ вредъ основательному ученію благороднаго юношества въ университетахъ,—повелѣваемъ: означенные пансіоны преобразовать въ гимназій“.

„Господи Боже мой!“, восклицаетъ Погодинъ, „когда прекратится эта незаслуженная опала! Подлецы Петербургскіе по своимъ видамъ наговорили ему Богъ знаетъ что, и дѣлое мѣсто страдаетъ. Перевощиковъ рассказывалъ мерзости и козни петербургскихъ“¹³⁾.

Въ высшемъ же управленіи Московскаго Университета въ это время произошла важная перемѣна. 3 февраля 1830 года, генераль-маіоръ А. А. Писаревъ Всемиловѣйше пожалованъ въ сенаторы и тайные совѣтники и уволенъ отъ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Находившійся въ это время въ Петербургѣ Д. М. Перевощиковъ писалъ оттуда Погодину: „Въ понедѣльникъ я былъ у министра и въ тотъ же день обѣдалъ у него. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда онъ разспрашивалъ меня о дѣлахъ университета. Поелику А. А. Писаревъ для насъ уже не существуетъ, то я говорилъ чисто-сердечно; онъ пожималъ только плечами“. Но почтенный директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Д. И. Языковъ былъ связанъ съ Писаревымъ узами старинной дружбы; а потому когда Перевощиковъ явился къ нему „засвидѣтельствовать свое почтеніе“, то Языковъ сказалъ ему: „Я радъ за А. А. Писарева; теперь онъ будетъ покоенъ“. Сообщая объ этомъ Погодину, Перевощиковъ прибавляетъ: „на здоровье!“.

Между тѣмъ въ преемники Писареву въ Москвѣ прочили то графа С. Г. Строганова, то С. А. Волкова. Погодинъ даже писалъ Шевыреву: Къ намъ говорятъ Строгановъ, уволенный на полтора года за границу; а въ отсутствіе его Волковъ. Ты можешь быть встрѣтиться гдѣ нибудь со Строгановымъ... „Это хорошо“¹⁴⁾. Въ *Дневникъ* же свой Погодинъ заноситъ слѣдующія строки: „Попечителемъ дѣлають какого-то Волкова

ханжу и невѣжу, за то, что его жена родня Вьельгорскому. О просвѣщеніе! о университетъ! Когда несчастія ваши прекратятся“¹⁵⁾. Очевидно, Погодинъ не имѣлъ никакого понятія о человѣкѣ, о которомъ онъ такъ рѣзко и несправедливо отзывался. Между тѣмъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „многіе годы Сергѣй Аполлоновичъ Волковъ былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ собесѣдниковъ Петербургскихъ салоновъ. Онъ былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ графомъ и графинею Нессельроде, съ графомъ Киселевымъ, княземъ Орловымъ. Съ семействомъ Вьельгорскихъ былъ онъ въ родственной связи. Долго живъ въ обществѣ, онъ многое зналъ отъ другихъ, много подмѣтилъ и самъ собою. Между тѣмъ сношенія съ нимъ были совершенно надежны. Разговоръ его былъ живой, часто остроумный, съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ насмѣшливости. Кажется, въ первыхъ годахъ царствованія императора Николая I былъ онъ предназначаемъ въ попечители Московскаго Университета, но по какимъ-то обстоятельствамъ назначеніе не состоялось. Племянникъ Родіона Александровича Кошелева и потому пользовавшійся благорасположеніемъ князя А. Н. Голицына, онъ въ царствованіе Александра I не сдѣлалъ, что называется, *блестящей служебной карьеры*. Онъ, полагать должно, былъ характера и привычекъ довольно независимыхъ. Долгая отставка не тяготила его; многіе у насъ не умѣютъ уживаться съ нею: они смотрятъ какими-то разрозненными томами въ богатой общественной библіотекѣ. Волковъ не обижался своею разрозненностью, не сѣтовалъ на нее; не рвался онъ, чтобы какъ-нибудь прильнуть къ роскошному экземпляру и попасть въ офиціальныя каталоги. Онъ, не состоявшій *ни при чемъ и ни при комъ*, умѣлъ усвоить себѣ приличное мѣсто въ высшемъ обществѣ, гдѣ такіе образцы, что ни говори о чиновничествѣ, все-таки встрѣчаются. Кстати замѣтить, что еслибы Сергѣй Аполлоновичъ оставилъ по себѣ свой дневникъ, то онъ былъ бы гораздо любопытнѣе и занимательнѣе писемъ его сестры Маріи Аполлоновны Волковой“. Но ходившіе по Москвѣ слухи о

преемникахъ Писареву оказались ложными. 29 апрѣля 1830 года попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа назначень известный вельможа князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ. Новый попечитель кажется не особенно сближался съ Университетскимъ сословіемъ и держалъ себя отъ него въ почтительномъ отдаленіи. По крайней мѣрѣ князя П. А. Вяземскаго очень удивило, что на данномъ княземъ Голицынымъ балѣ не было ни одного члена Университета, и по этому поводу князь Вяземскій замѣтилъ: „наши вельможи думаютъ, что ученость нельзя впускать въ гостиную“ ¹⁶).

12 мая 1830 года профессоръ представлялись новому попечителю, который, если судить по записи Погодина, не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія: „Утро процвѣте и погибетъ“, читаемъ въ его *Дневникъ*, „въ Университетъ для представленія новому попечителю. Ни слова общаго. Невѣжа и думаетъ исправлять просвѣщеніе. Больно смотрѣть“. Болѣе благосклонно отнесся Снегиревъ къ новому попечителю: „Недавно Университетъ“, писалъ онъ Анастасевичу, „получилъ себѣ главу въ-особѣ князя С. М. Голицына... Онъ богатъ, благочестивъ и патріотъ, и въ большомъ свѣтѣ живетъ уединенно. Нашъ Университетъ имѣетъ нужду въ защитникѣ и покровителѣ, ибо противъ него нерѣдко возстаютъ тѣ, которые всѣмъ ему были обязаны“ ¹⁷).

Съ весьма хорошей стороны зарекомендовалъ себя предъ университетскою братіею чиновникъ по особымъ порученіямъ попечителя графъ Александръ Никитичъ Панинъ, которому былъ поручень надзоръ за Московскимъ Университетомъ, его типографіею и частными въ Москвѣ мужскими пансіонами. Службу свою графъ А. Н. Панинъ началъ въ 1809 году актуаріусомъ въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 году онъ поступилъ въ Московское ополченіе прапорщикомъ и участвовалъ во всѣхъ славныхъ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годахъ. Въ 1825 году, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, онъ уволенъ отъ службы съ чиномъ полковника. При вступленіи князя С. М. Голицына въ должность по-

печителя Московскаго, онъ опредѣлился къ нему, о чемъ уже было сказано, въ должность чиновника по особымъ порученіямъ. По свидѣтельству лицъ его знавшихъ, графъ А. Н. Панинъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми родными и знакомыми за кротость его нрава и возвышенные чувства ¹⁸⁾. Графъ А. Н. Панинъ очень добросовѣстно отнесся къ сдѣланному ему порученію и сталъ внимательно изучать ввѣренную ему часть управленія, и Погодинъ, увидя его на экзаменѣ, замѣтилъ: „Однакоже у Графа фізіономія значительная“. Вскорѣ графъ Панинъ хорошо познакомился съ личнымъ составомъ Университета и свидѣтельствомъ этого знакомства можетъ служить *Памятная записка о профессорахъ Московскаго Университета*. Погодину удалось снискать расположеніе графа Панина и онъ былъ радушно принятъ въ его домѣ. „Къ Панину“, читаемъ въ его *Дневникъ*, „Васильчиковъ просилъ познакомить его со мною, какъ знающимъ Исторію. Обѣдалъ у него и говорили о Славянскихъ племенахъ, о Борисѣ и Польшѣ. Чтò за цѣль. Графиня *) понравилась. Я радъ бы ей прочесть иногда новенькое“ ¹⁹⁾. Въ своей *Памятной Запискѣ* графъ Панинъ такъ отзывался о Погодинѣ: „помощникъ Ульрихса, отлично преподаетъ Исторію. Если онъ оставитъ Университетъ, трудно будетъ найти кѣмъ замѣнить его“ ²⁰⁾.

II

Вслѣдъ за Императоромъ прибылъ въ Москву Пушкинъ и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ „находилась вся Москва“. Увѣдомляя объ этомъ князя П. А. Вяземскаго (отъ 14 марта 1830 года), Пушкинъ прибавляетъ: „первыя лица, попавшіяся мнѣ на-встрѣчу, были Наталія Гончарова и княгиня Вѣра **); а вслѣдъ за ними братья Полевые“ ²¹⁾.

Въ это время Пушкинъ былъ озабоченъ изданіемъ *Литера-*

*) Графиня Анна Сергѣевна, рожденная Толстая.

**) Супруга князя П. А. Вяземскаго княгиня Вѣра Осодоровна.

17
турной Газеты. Чтобы положить конец ненавистой монополии Греча, Булгарина и союзника их Полевого, Пушкин и друзья его уже давно замыслили издавать журналъ. По свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, Пушкин и его друзья вооружались противъ Булгарина и К^о потому, что эти господа „издѣвались и закидывали грязью всѣ высшіе, политическіе идеалы и нравственно, и умственно развращали читающую публику“.

Еще въ ноябрѣ 1827 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Радуюсь, что мой *Современникъ* пришелъ тебѣ на вкусъ. Кому же, какъ не тебѣ, быть главою такого предпріятія? По-крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посоветятся. Самъ Блудовъ скорѣе будетъ покровительствовать Булгарину, чѣмъ мнѣ, или журналу, выходящему подъ моимъ содѣйствіемъ, что между прочимъ уже и было. Другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь“²³). Въ концѣ 1829 года, Жуковскій, князь Вяземскій, Пушкин и баронъ Дельвигъ рѣшились осуществить свое давнившее предпріятіе и съ 1-го января 1830 года, въ Петербургѣ, подъ редакціею барона Дельвига стала выходить *Литературная Газета*. Редакторъ ея счелъ необходимымъ заявить, что въ *Газетѣ* его „не будетъ мѣста критической перебранкѣ. Критики, имѣющія въ виду не личныя привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будутъ съ благодарностью принимаемы въ *Литературную Газету*. Выборъ въ редакторы барона Дельвига очень удивилъ Языкова. „Подъ какимъ созвѣздіемъ“, писалъ онъ Погодину, „является Дельвигъ съ своею *Литературною Газетою*? Всякому, его знающему, — очень, очень трудно вообразить почтеннаго барона постоянно занимающимся чѣмъ бы то ни было, а въ особенности корректурами!“..., а въ другомъ своемъ письмѣ Языковъ писалъ: „*Литературную Газету* мнѣ присылаютъ. Будущее извѣстно единому Богу. Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ. Едвали удастся имъ дѣйствовать побѣдоносно противъ

именъ какъ бы то ни было уже укрѣпившихся на нашемъ *Парнасъ*“ ²³).

Если такъ недовѣрчиво была встрѣчена *Литературная Газета* при самомъ первомъ появленіи ея въ свѣтъ человѣкомъ роднымъ по духу ея учредителямъ, то чего же можно было ожидать отъ враждебной стороны? И дѣйствительно, первое явленіе этой *Газеты* было встрѣчено непріязнью не только со стороны Булгарина, Полевого, но даже со стороны Погодина. „Въ Петербургѣ“, писалъ онъ Шевыреву „выходить *Литературная Газета* (титularный совѣтникъ безъ имени, какъ говорить Гречъ), издастъ Дельвигъ. Слѣдовательно ты перечтешь сотрудниковъ. Въ явившихся нумерахъ нѣсколько порядочныхъ еще только стиховъ, но прозаическихъ. Статейки слабѣйшія, младенческія понятія о теоріяхъ. Невѣжи и не вѣжи! Гдѣ имъ! А помнишь, у насъ бывало: и то не такъ, и это. Мы дадимъ имъ знать себя, и они поклонятся намъ. *Литературная Газета* издается съ цѣлью убить Булгарина и Полевого; а этотъ говоритъ: постойте, я (Полевой) втопчу ихъ въ грязь (Пушкина, Баратынскаго и пр.); вѣдь я ихъ поднялъ, мною они дышали, и начинаетъ ругать ихъ наповаль. *Газета* устоитъ не больше какъ два мѣсяца: Пушкину наскучитъ и останется редакторомъ мизерабельный Сомовъ. Черезъ годъ я ѣду путешествовать, черезъ два воротимся оба и — громъ, молнія и буря. Ты видишь теперь, какая кровопролитная война между журналами“ ²⁴). Несмотря на это, скромный Пушкинъ увѣрялъ Погодина, что „*Московский Вѣстникъ* и *Литературная Газета* одно и то же“ ²⁵); но другого мнѣнія о *Московскомъ Вѣстникѣ* былъ баронъ Дельвигъ и въ своей *Газетѣ* сдѣлалъ журналу Погодина такой отзывъ: „*Московский Вѣстникъ* отличался съ появленія своего участіемъ въ немъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обещающихъ быть современемъ хорошими литераторами и мыслящими писателями. Въ этомъ отношеніи должно было снисходить ко мнѣніямъ иногда сбивчивымъ, учености недозрѣлой, сужденіямъ заносчивымъ и выраженіямъ слишкомъ рѣзкимъ, коими

ознаменованы были многія страницы сего журнала. Разумѣется, говоря здѣсь о молодыхъ надеждахъ нашихъ, не включая въ ихъ число г. Арцыбашева, который въ 1828 году на горизонтѣ *Московскаго Вѣстника* разразился какимъ-то феноменомъ, оставившимъ по себѣ трескъ, дымъ и смрадъ. Эти строки не могли понравиться Погодину; но еще болѣе не понравилось ему нижеслѣдующее, напечатанное тамъ же: „*Литературная Газета* была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подѣ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ журналовъ“²⁶). Задѣтый этимъ за живое Погодинъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* возражалъ: „пустъ наши журналисты вступаются за честь свою и подаютъ апелляцію публикѣ, понимая сіи слова въ оскорбительномъ для себя смыслѣ. Издатель *Московскаго Вѣстника* никакъ не хочетъ принимать ихъ на свой счетъ, и осмѣливается сказать, что не было никакихъ отношеній, по которымъ бы первоклассные наши писатели не могли явиться подѣ своимъ именемъ въ его журналѣ, осмѣливается впрочемъ сказать это потому только, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ читатели видѣли уже тамъ множество печатныхъ тому доказательствъ, ихъ именныя сочиненія“. По поводу обѣщанія *Литературной Газеты* предложить критическое обзорѣніе сочиненій Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина и проч. Погодинъ писалъ: „Высокопарныя прозвища“, говоритъ авторъ статьи *Литературной Газеты*, „безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здраво-мыслящихъ“. Радуюся, что *Литературная Газета* повторила эту истину изъ *Московскаго Вѣстника*, очень часто провозглашавшаго ее, особенно въ отношеніи къ *Исторіи Государства Россійскаго*. Мы будемъ ожидать теперь разборовъ дѣльныхъ, полезныхъ, въ духѣ законной, благонамѣренной критики“. Высказавъ это, Погодинъ переходитъ затѣмъ къ оцѣнкѣ *Литературной Газеты*. „По вышедшимъ нумерамъ“, писалъ онъ, „по именамъ сотрудниковъ, по другимъ

признакамъ, должно ожидать отъ нея—прекрасныхъ стихотвореній и статей прозаическихъ, чтенія пріятнаго, занимательнаго не только для тѣхъ, кои читають отъ нечего дѣлать, но и для тѣхъ, кои въ чтеніи ищутъ пищи для ума и сердца. Нѣкоторые кропотуны думаютъ, что въ критикѣ *Литературной Газеты* не будетъ иногда совершеннаго безпристрастія въ отношеніи къ ея прихожанамъ, литературнымъ патриціямъ, и въ отношеніи къ писателямъ плебейцамъ другихъ приходовъ, что тѣ важныя событія, которыя случатся у послѣднихъ, получатъ въ ней титулъ только явленій, а собственныя явленія будутъ возведены на степень важныхъ событій. Напрасно они беспокоятся: до сихъ поръ нѣтъ вѣрныхъ признаковъ—и одно только, что неосторожное слово не должно внушать такой боязни“. Въ это время князь П. А. Вяземскій приготовилъ къ печати свой переводъ романа Бенжаменъ Констанъ *Адольфъ* и по поводу сдѣланнаго въ *Литературной Газетѣ* заявленія объ этотъ переводъ, Погодинъ, развивая свою предыдущую мысль писалъ: „князь Вяземскій принадлежитъ къ числу достойныхъ писателей нашего времени. Въ каждой статьѣ его есть прекрасныя мысли, счастливыя выраженія; онъ оригиналенъ, остроуменъ, игривъ, шутитъ очень забавно, вездѣ есть у него, надъ чѣмъ подумать, чему улыбнуться, также какъ и всегда есть съ чѣмъ поспорить, ибо часто встрѣчаются противорѣчія, парадоксы, слѣды предразсудковъ. Князь Вяземскій перевелъ Б. Констана *Адольфа*. Этотъ переводъ разумѣется будетъ пріятнымъ явленіемъ,—но не важнымъ событіемъ въ Исторіи Русской Словесности, какъ сказано въ *Литературной Газетѣ*. Важными событіями могли называться первая ода Ломоносова, Словарь Академіи, стихотворенія Жуковского, разборы Мерзлякова, легкіе стихи Богдановича и Дмитріева, Исторія Карамзина, сцена Пушкина у Самозванца съ Пименомъ, а переводъ, самой изящной, краткой, положимъ, философской повѣсти, послѣ многихъ переводовъ Карамзина въ этомъ же родѣ никакъ не можетъ получить такого почетнаго титула. Замѣтимъ еще, что князь Вя-

земскій такъ оригиналенъ, такъ негибокъ, что не скроется ни въ какомъ переводѣ, а это достоинство писателя уже недостатокъ въ переводчикѣ“²⁷⁾. Вотъ все, что Погодинъ высказалъ печатно о *Литературной Газетѣ*. Не напечатанныя же его отзывы отличаются крайнею рѣзкостью и недоброжелательствомъ къ этому изданію. На самыхъ первыхъ порахъ ея существованія, онъ продолжалъ писать Шевыреву: „*Литературная Газета* слаба и критика ея ничтожна; наши патриціи не знаютъ, гдѣ Востокъ въ искусствахъ и наукахъ. Есть только хорошіе стихи и то у меня больше. Подписчиковъ у нея нѣтъ“. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу Погодинъ писалъ: „Въ *Литературной Газетѣ*, гостинной и пріятной, забавенъ только Вяземскій. Дельвигъ ничего не дѣлаетъ. Стиховъ Пушкина меньше, нежели въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Подписчиковъ у нея меньше нашего, едва сто. Твою статью я прочиталъ тамъ съ неудовольствіемъ: послѣ семилѣтнихъ глупыхъ отзывовъ объ насъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* намъ не прилично туда показываться. Они сами попросятъ“²⁸⁾. Такимъ образомъ въ Москвѣ, возвышенному предпріятію Пушкина и друзей его сочувствовалъ только одинъ человѣкъ и этотъ человѣкъ былъ, разумѣется, И. В. Кирѣевскій; а Погодинъ, однажды у него обѣдая „съ торжествомъ подсмѣивался надъ *Литературною Газетою*“. Да и самъ Пушкинъ въ это время не въ авантажъ обрѣтался. „Теперь“, писалъ Снегиревъ Анастасевичу, „кто превозносилъ его до небесъ, тотъ теперь его даже до ада низвергаетъ. Такова участь Карамзина. Можно ли послѣ того имъ вѣрить“²⁹⁾.

III.

12 { Кромѣ *Литературной Газеты*, Пушкинъ въ это время былъ озабоченъ изданіемъ въ свѣтъ своего *Бориса Годунова*, а потому онъ очень былъ заинтересованъ статьею Погодина объ этомъ царѣ. „Милый!“, писалъ Пушкинъ Плетневу, „по-

бѣда! Царь позволяеть мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ. Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Александру Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить о Оадеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично“. Въ то же время Булгаринъ выпускалъ въ свѣтъ своего *Самозванца*. „Пушкина *Бориса*“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „удерживали въ канцеляріи пока не вышелъ *Самозванецъ* Булгарина; а между тѣмъ, въ напечатанномъ отрывкѣ Булгарина видно похищеніе изъ него. Помнишь мѣсто о географіи. Пушкинъ хотеть извиниться передъ публикою въ заимствованіи этихъ мыслей отъ Булгарина“. Когда слухъ объ этомъ хищеніи дошелъ до Булгарина, то сей послѣдній писалъ Пушкину: „Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію *Борисъ Годуновъ*, переложилъ ваши стихи въ прозу и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите вашу славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я почитатель вашей трагедіи... Въ этомъ честию увѣряю. Мнѣ рассказывали содержаніе и я, признаюсь, не соглашался во многомъ... Но признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что Олину приснилось это! Прочтите сначала романъ, а послѣ скажите“³⁰). Когда же *Самозванецъ* Булгарина вышелъ въ свѣтъ, въ *Литературной Газетѣ* была помѣщена критическая статья, написанная барономъ Дельвигомъ, въ которой, между прочимъ, сказано: „намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ Русскимъ“³¹). Булгаринъ, думая, что эту критику на его романъ написалъ Пушкинъ, чрезъ нѣсколько дней разразился въ *Сѣверной Пчелѣ* весьма оскорбительною для него пасквилею, подъ заглавіемъ *Анекдотъ*, въ которомъ подъ именемъ *Французскаго стихотворца* изобразилъ Пушкина, а подъ именемъ *Гобмана* себя. „Извѣстно, писалъ Булгаринъ, „что въ просвѣщенной Франціи иноземцы,

занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ... Надлежало имѣть исключеніе изъ правила и появился какой-то Французскій стихотворецъ, который, долго морочилъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера, хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ, наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику, и разобралъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи Французовъ, злой человекъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ, и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности Французовъ съ умысломъ, для возвышенія своихъ земляковъ Нѣмцевъ. Гофманъ, вмѣсто отвѣта, напечаталъ къ одному почтенному Французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей. Предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ, служащій усердиѣ Бахусу и Плутусу, нежели Музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, у котораго сердце холодное, а голова родъ побрякушки, набитой гремучими риемами, который бросаетъ риемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тихомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ щиты кафтаны, и у котораго одно господствующее чувство—суетность. Во-вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнилъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи, и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціею; который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью на полѣ битвы, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума... и т. д.“³²⁾ Пасквиль этотъ засталъ Пушкина въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за Императоромъ. Прочитавъ это, Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою; сердиться нельзя, но побить его можно и должно. Но распутица, лѣнь и Гончаровы не выпускаютъ меня изъ

Москвы³³⁾. Хотя Пушкинъ и говорилъ, что „сердиться нельзя“; но сильно разсердился и написалъ *О Запискахъ Видока*. Статью эту онъ хотѣлъ помѣстить въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но Погодинъ уклонился, о чемъ свидѣтельствуется слѣдующая записъ его *Дневника* 18 Марта 1830 года: „къ Пушкину. Разсказалъ о скверности Булгарина, Полеваго. Хотеть втоптать ихъ въ грязь. Давалъ статью о Видокѣ; но, догадавшись, что мнѣ не хочется помѣщать ее, взялъ“. Шевыреву же Погодинъ писалъ: „Пушкина ругаютъ теперь такъ, какъ тебя не ругали“³⁴⁾. Вскорѣ послѣ того, Пушкинъ помѣстилъ своего *Видока* въ *Литературной Газетѣ*. „Нравственныя сочиненія Видока“, писалъ онъ, „полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣ отвратительное, не менѣ любопытное. Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка. Видокъ въ своихъ *Запискахъ* именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ, какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ Почетнаго Легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ. Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніяхъ съ нимъ, кто молодъ не былъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой. Онъ съ удивительною важною толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входитъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ... Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагоклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ! Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ. Раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, а въ Видокѣ утѣши-

462513

2

76762

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ленинград, В

тельная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода". Въ заключеніе Пушкинъ спрашиваетъ: „Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона, и пр., не оскорбляетъ ни господствующей религіи, ни правительства ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предумыслившаго законодательства?“ ³⁵⁾ Мѣткая статья Пушкина попала прямо въ цѣль. Въ Видокѣ всѣ узнали Булгарина. Но она обезпечила за Пушкина друзей его. Елизавета Михайловна Хитрово писала князю П. А. Вяземскому: „Я только что узнала съ большимъ огорченіемъ, любезный князь, что статья о Видокѣ такого свойства, что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій, который только что отъ меня вышелъ — человѣкъ благоразумный — мнѣ повторилъ, что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ, чтобы статья не появлялась въ печати; самое незначительное послѣдствіе было бы, если Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пушкина... Я совершенно убита тѣмъ, что сказалъ мнѣ Перовскій“ ³⁶⁾. Да и самъ Пушкинъ очень хорошо понималъ, что статья Булгарина была, между прочимъ, рассчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить ему во мнѣніи Бенкендорфа, и Пушкинъ въ приливъ негодованія писалъ Бенкендорфу, 24 Марта 1830 года: „г. Булгаринъ, имѣющій по его словамъ у васъ вліяніе, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ“. Бенкендорфъ же отвѣчалъ Пушкину: „Что касается до г. Булгарина, то онъ

мнѣ никогда не говорилъ о вась, по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ“.

Дѣйствительно, Булгаринъ сдѣлался вѣчнымъ и непримиримымъ врагомъ Пушкина и кололъ его даже тогда, когда безсмертный писатель нашъ давно уже лежалъ въ могилѣ. 23 апрѣля 1845 года, Булгаринъ, доказывая въ письмѣ къ Дубельту свои права, какъ писателя благонамѣреннаго, на полученіе какой-то денежной ссуды, въ которой ему было отказано, писалъ: „Я думалъ, если сочинителю *Гаврилады*, *Оды на вольность* и *Кинжала* оказано столько милостей и благодарній, то почему же не дать взаймы мнѣ“³⁷).

Не менѣе оскорбителенъ для Пушкина былъ также пасквиль, напечатанный въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полевымъ. Во время своего пребыванія въ Москвѣ, весною 1830 года, Пушкинъ написалъ превосходное посланіе къ *Вельможѣ* (князю Николаю Борисовичу Юсупову), которое, по справедливому замѣчанію его біографа, есть „образецъ мастерской живописи историческихъ лицъ и эпохъ, гдѣ часто въ одномъ двустипіи полно и опредѣленно выражается вся сущность ихъ“. При появленіи своемъ въ *Литературной Газетѣ* это произведеніе Пушкина возбудило недоумѣніе. Полевой этимъ воспользовался и на страницахъ *Московского Телеграфа* напечаталъ гнусный пасквиль подъ заглавіемъ *Утро въ кабинетъ знатнаго барина*. Здѣсь князь Юсуповъ названъ княземъ *Беззубовымъ*, а секретарь его наименованъ *Подлецовымъ*. Все это представлено въ слѣдующей драматической формѣ:

„Князь. Она здѣсь! ну ее къ чорту—давай скорѣе (подписываетъ) — но, болѣе ничего не подавай мнѣ (Подлецовъ хладнокровно складываетъ бумаги). Скажи, что у тебя смѣшного?

Подлецовъ. Вотъ листокъ какой-то печатный; кажется, стихи вашему сіятельству.

Князь (взглянувъ). Какъ! стихи мнѣ? А! это того стихотворца... Что онъ вретъ тамъ?

Подлецовъ. Да, что-то много. Стихотворецъ хвалить васъ; говоритъ, что вы мудрецъ: умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ, что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше.

Князь. Нѣтъ? Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ (беретъ листокъ). Какъ жаль, что по-русски! (читаетъ). Не дурно, но что то много, скучно читать. Вели перевести это по французски и переписать экземпляровъ пять; я пошлю кое къ кому, а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходись съ нимъ; вѣдь эти люди забывчивы; ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ. Послушай-ка, братецъ! притвори дверь и подойди поближе. Скажи, что ты узналъ о моей вѣтренницѣ?"

Пасквиль этотъ обратилъ на себя вниманіе „читающей публики“, а также не ускользнулъ отъ вниманія и цензурнаго начальства. Цензоръ *Телеграфа* С. Н. Глинка вотъ что повѣствуетъ объ этомъ: „По возвращеніи моемъ изъ Петербурга, когда я явился въ цензурный комитетъ, меня встрѣтили торжествующія лица профессоровъ-цензоровъ. Они смотрѣли на меня съ лукавою улыбкою и будто неумышленно спрашивали: читалъ ли я посланіе Пушкина къ князю Юсупову. Тутъ, къ сожалѣнію, и сторонній цензоръ, остропамятный Аксаковъ, вслухъ и наизусть прочелъ нѣсколько стиховъ, также сопровождая ихъ хитрою улыбкою. Между тѣмъ цензоръ Снегиревъ, читавшій *Телеграфъ* въ отсутствіи моемъ, сказалъ мнѣ откровенно, что десятая книжка *Телеграфа* ожидаетъ моей подписи, т.-е. та роковая книжка, въ которой помѣщена была статья подъ заглавіемъ: *Утро у знатнаго барина князя Беззубова*. Возвратясь изъ Петербурга за недѣлю до срока отпуска, я могъ бы отказаться отъ цензорованія

этой книги *Телеграфа*, но я всегда стыдился, какъ говорить пословица, чужими руками жаръ загребать. Взявъ десятую книжку *Телеграфа*, пошелъ я въ типографію г. Семена, читаю: въ глаза мнѣ тотчасъ бросился стихъ изъ посланія, предлагающій перетолкователямъ намекъ на князя Юсупова. Отправляю къ издателю *Телеграфа* записку, прося его исключить этотъ стихъ. Получаю въ отвѣтъ, что онъ не намѣренъ исключить ни одной буквы. Что оставалось дѣлать цензору?.. Я пропустилъ статью. При первомъ засѣданіи г. Двигубскій объявилъ мнѣ, что попечитель отстраняетъ меня отъ цензорованія *Телеграфа* и запрещаетъ журналъ. Онъ не имѣетъ права, одинъ Государь предоставилъ себѣ право дозволенія журналовъ и запрещеніе ихъ. А если находить меня въ чемъ виновнымъ, то на основаніи устава я требую суда. На другой день получено предписаніе отъ попечителя — немедленно явиться въ залу университетскаго правленія. Едва я вошелъ, г. попечитель закричалъ на меня. — Какъ вы, сударь, осмѣлились пропустить такіа мерзости на князя Юсупова? Васъ и такъ за такіа мерзости Государь сажалъ на обахту.

— Я оправданъ; Государь возвратилъ мнѣ свое благоволеніе...

— А развѣ вы не читали посланія Пушкина? спросилъ князь.

— Не читалъ.

— А почему?

— Потому что я занятъ тѣмъ, что сопряжено съ моею должностію.

Отъ возгласовъ попечителя и презрительныхъ улыбокъ ученыхъ головъ, кровь у меня сильно кипѣла, а потому я торопился выйти, а попечитель кричитъ мнѣ вслѣдъ: — постоите, постоите! послушайте!

— Чего мнѣ слушать! возразилъ я. — И такъ довольно наслушался незаконныхъ обвиненій.

Князь С. М. Голицынъ былъ убѣжденъ, что я масонъ и иллюминатъ и агентъ всѣхъ тайныхъ обществъ. Оглашая меня

тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ, князь, видя притомъ во мнѣ опаснаго бунтовщика, отправилъ на меня грозную жалобу въ Петербургъ и писалъ, что я для объясненій къ нему явился *мертвецки пьянымъ*“. Не упоминая о нетрезвости Глинки, князь С. М. Голицынъ дѣйствительно написалъ письмо министру народнаго просвѣщенія о возмутительномъ пасквилѣ, пущенномъ Полевымъ на Пушкина: „Соблазнительная статья сія“, писалъ онъ, „по дерзкимъ и явнымъ намекамъ на извѣстную особу по заслугамъ своимъ государству, возбудила негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей; а какъ означенный журналъ (т.-е. *Телеграфъ*) доселѣ разсматриваемъ былъ цензоромъ Глинкою, я поручилъ цензору Двигубскому объявить г. Глинкѣ, что разсматриваніе *Московскаго Телеграфа* поручаю я цензору Аксакову. Въ первое засѣданіе, г. Двигубскій, по приказанію моему, объявилъ сіе г. Глинкѣ, который тотчасъ же отозвался, что противъ такового распоряженія онъ намѣренъ подать свое объясненіе. Въ засѣданіи 7 іюля 1830 г., я самъ рѣшился объявить ему сказанное Двигубскимъ; но, къ крайнему изумленію моему, увидѣлъ, что г. Глинка, потерявъ все должное уваженіе къ мѣсту и товарищамъ своимъ, съ запальчивостію сказалъ, что объясненія сего онъ не принимаетъ, потомъ началъ угрожать мнѣ, что подастъ на сіе жалобу вашей свѣтлости и Государю Императору, и, схвативъ шляпу, вышелъ изъ присутствія. Таковыя странныя дѣйствія г. Глинки убѣдили меня, наконецъ, что ему чужды не только правила, Уставомъ Цензуры предписанныя, но и всякаго приличія, и что жалобы товарищей его на строптивый характеръ совершенно оправдываются“.

Вслѣдствіе сего князь Голицынъ проситъ министра избавить Московскій Цензурный Комитетъ „отъ сего безпокойнаго чловѣка“ и уволить его отъ занимаемой имъ должности цензора.

Въ концѣ іюля того же 1830 г. состоялось увольненіе Глинки по Высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, за напечатаніе въ *Московскомъ Телеграфѣ* гнуснаго пасквиля на

князя Юсупова и Пушкина пострадалъ не Полевой, а бѣдный и многосемейный Сергѣй Николаевичъ Глинка!

IV.

Въ 1830 году Пушкинъ издалъ въ Петербургѣ отдѣльную книжкою VII-ю главу *Евгенія Онгина*.

Кипящій жаждою мести, Булгаринъ воспользовался этимъ случаемъ и напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* разборъ этого произведенія. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ разборѣ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ*“ сказано: „нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи *знаменитаго* имени, но достоинства внутренняго и изящества *внѣшняго*“. Справедливо! медленное, траурное шествіе *Литературной Газеты* и холодный пріемъ, оказанный публикою поэмѣ *Полтава*, о которой такъ остроумно сказано было Надеждинымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, служить яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, глава VII-я *Евгенія Онгина*. Ни одной мысли въ этой водянистой VII-й главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! И такъ, надежды наши исчезли! Мы думали, что авторъ *Руслана и Людмилы* устремился за Кавказъ, чтобы напиться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбуждять геній нашихъ поэтовъ — и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи появился опять *Онгингъ*, блѣдный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину! Все содержаніе этой VII-й главы въ томъ, что Таню везутъ въ Москву изъ деревни... Всѣ описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобы

можно было печатать такія мелочи! Разумѣется, авторъ часто говорить о себѣ, о своей скукѣ, томленьѣ, о своей мертвой душѣ. Великій Байронъ ужъ такъ утомилъ насъ всѣми этими выходками, что мы сами чувствуемъ невольное *томленье*, слыша непрерывное повтореніе одного и того-же³⁸). На-помнимъ здѣсь кстати, что въ 1828 году *Съверная Пчела* просила у Пушкина позволенія перепечатать отрывокъ сей самой VII-й главы *Евгенія Онегина* изъ *Московского Вѣстника* и, когда получила позволеніе, то восклицала: „Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ“. Союзниками Булгарина противъ произведеній Пушкина явились Надеждинъ и Полевой. Когда нѣкій Тлѣнскій принесъ этотъ отзывъ *Съверной Пчелы* профессору Эстетики Московскаго Университета Надеждину, то сей послѣдній замѣтилъ: „Я зналъ давно, что этому когда нибудь а надо будетъ случиться! Раненько, правда, немножко: ну-да нынѣ вѣкъ такой! Шагаетъ исполински“... Къ этому замѣчанію профессоръ прибавилъ: „Талантъ—особенно не закупоренный печатю истиннаго образованія—скоро очень выдыхается“. И такъ, по мнѣнію профессора Эстетики, Пушкинъ въ 1830 году *выдохся*! Этотъ приговоръ избавляетъ насъ отъ труда дѣлать выписки изъ его критики VII-й главы *Евгенія Онегина*, представленной въ формѣ разговора съ Тлѣнскимъ и отставнымъ корректоромъ Пахомомъ Силичемъ Правдинымъ. Замѣтимъ только, что профессоръ Эстетики глумится и надъ этими чудными стихами, находящимися въ той же VII-й главѣ *Онегина*

Или не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Оближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?

„Что то похоже на мысли“, пишетъ онъ, „но кто пойметъ ихъ? Отъ нихъ пышетъ даже байронизмомъ, ибо Бай-

ронъ могъ только жалѣть о веснѣ, какъ объ утратѣ зимы. Но кому удастся скоро добраться до настоящаго ихъ смысла сквозь темную чащу словъ, сплетенныхъ такъ неудачно? Второе же — скажемъ словами самого поэта —

Есть старая весна
Средь поэтического сна,

пришедшая ему въ мысли и заставившая его съ просонья пробормотать нѣсколько невнятныхъ звуковъ, кои исчезли наконецъ въ неудачномъ подражаніи Жуковскому... въ давно тертой и истертой мечтѣ

О дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

И кто знаетъ — можетъ быть, о той *лупой Лунѣ*, которую поэтъ нашъ видѣлъ нѣкогда на *лупомъ небосклонѣ*!... Нѣтъ! воля ваша! а *Пушкинъ* — не мастеръ мыслить! "...³⁹), и пр.

Дмитрій Самозванецъ Булгарина и VII-я глава *Евгенія Онѣгина* Пушкина вышли въ свѣтъ одновременно. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* тому и другому произведенію посвящены статьи въ одномъ и томъ же номерѣ и даже помѣщены рядомъ. О произведеніи Булгарина говорится, что Смутное время послужило „вдохновеніемъ Булгарину, подарившему Россію историческимъ романомъ, достойнымъ той степени европейской образованности, на коей стоитъ наше отечество. Да! новое произведеніе автора *Ивана Выжигина* оживило нашу бѣдную словесность и рѣшительно перевѣшиваетъ всѣ тридцати или двадцати-страничныя поэмочки знаменитыхъ, всѣ альманахныя отрывки, всѣ посланія къ тому и другому, всѣ стихи въ альбомы княженъ и графинь“, и пр. въ этомъ родѣ; но въ заключеніе этой статьи, авторъ ея, *Василій Ушаковъ*, считаетъ долгомъ жаловаться „всей просвѣщенной Европѣ“ на „безграмотныхъ писаекъ, боярскихъ дѣтокъ“, которые „вмѣняли и вмѣняютъ въ ужасный грѣхъ Булгарину, что онъ родился не въ Россіи, а въ Польшѣ!“. Въ то же самое время и въ томъ же журналѣ *Полеваго*, объ *Евгеніи Онѣгинѣ*

мы читаемъ: „Первая глава *Онгина*, и двѣ-три слѣдовавшія за нею, нравились и плѣнили, какъ превосходный *опытъ* поэтического воображенія общественныхъ причудъ... Но *опытъ* все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы, и картина все таже. Цѣна новизны исчезла — и тотъ же *Онгингъ* правится не такъ какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже повторяетъ самъ себя. *Онгингъ* есть собраніе отдѣльныхъ, безсвязныхъ замѣтокъ и мыслей о томъ, о семъ, вставленныхъ въ одну раму, изъ которыхъ авторъ не составилъ ничего, имѣющаго свое отдѣльное значеніе. *Онгингъ* будетъ рудникъ для эпиграфовъ, а не органическое существо“... „Что еслибы“, читаемъ въ заключеніи этой рецензій *Московского Телеграфа*, „нашъ поэтъ перешелъ въ Русскій міръ, углубился въ отечественное, родное ему, то онъ сдѣлался бы высокимъ, оригинальнымъ поэтомъ“ ⁴⁰). Въ pendant Булгарину, Надеждину и Полевому, на *Евгенія Онгина* ополчился и князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, тогда семи-восьми-лѣтній мальчикъ, и отецъ его князь Петръ Андреевичъ писалъ Пушкину: „Я у Павлуши нашелъ въ тетради *Критика на Евгенія Онгина*, и по началу можно надѣяться, что онъ нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: „И какой тутъ смыслъ: завѣтный вензель О да Е?“ Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: „Какія глупыя мѣста“. *L'enfant promet*. Булгаринъ и теперь былъ-бы радъ усыновить его *Ицель*“.

Это чрезвычайно понравилось Пушкину и онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Критика Павлуши меня веселитъ, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій плоды; проси его прислать свои замѣчанія на *Онгина*: будетъ отвѣтъ“ ⁴¹).

Мы уже видѣли, какъ Надеждинъ безцеремовно и грубо въ своихъ критикахъ относился къ драгоценнымъ произведеніямъ Пушкина; но самъ господинъ профессоръ былъ весьма щекотливъ и чувствителенъ къ собственнымъ произведеніямъ. Въ *Вѣстникѣ Европы* онъ напечаталъ переводъ отрывка изъ своей диссертациі, подъ заглавіемъ: *О настоящемъ злоупотреб-*